

УДК 340

УЧЕНИЕ И.А. ИЛЬИНА О ГОСУДАРСТВЕ

канд. юрид. наук В.Н. МАТАРАС

(Белорусский государственный университет, Минск)

Исследуется учение И.А. Ильина о государстве. Государство рассматривается как союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти. Однако среди теоретиков государства и права никогда не было и нет не только единства, но даже общности взглядов в отношении определения понятия государства. Между тем это изучение позволяет глубже понять социальную природу государства, его особенности и черты, дает возможность проанализировать причины и условия его возникновения и развития.

Введение. На первый взгляд определение понятия государства не должно представлять особой сложности. Однако ещё в начале XX столетия Г.Ф. Шершеневич в работе «Общая теория права» указывал на возможность грубой методологической ошибки [8, с. 199]. Первая ошибка заключается в стремлении дать понятие о государстве в идеальном представлении, а не в его исторической действительности. Вторая – в выборе одного исторического типа государства, и включение его признаков в основу определения. Поэтому, как обращал внимание Г.Ф. Шершеневич, «методологическая задача определения понятия о государстве состоит в том, чтобы дать признаки того исторического явления, которое носит название государства. Определение понятия о государстве должно отвечать на вопрос, что такое государство в его исторической действительности, и притом во всех его исторических типах» [8, с. 201].

Основная часть. Практически все определения понятия «государство» в истории русской политической мысли и юриспруденции основывались на выявлении общих характеризующих это понятие признаков. К примеру, Н.Н. Алексеев в качестве основного элемента в идее государства определил «совокупность людей», «союз», «объединенное множество». В первую очередь им выделен не момент властвования, а именно социальная сторона явления – «общение», «союзность», «совокупность» [1, с. 209].

В большинстве определений понятия «государство» во главу угла ставится элемент **общности**, необходимый для любого объединения людей.

В.М. Хвостов давал следующее определение: «государство есть одна из форм человеческого общежития, один из видов общественных союзов» [9, с. 8].

По мнению Г.Ф. Шершеневича, государство «представляет собою несомненно форму общения и потому является видом родового понятия об обществе» [8, с. 231]. В качестве первого признака государства им было определено «соединение людей», или их совокупность, «находящихся во взаимном отношении властвования и подчинения» [8, с. 201]. При этом он возражал против признания «соединения» «союзом», так как, по его мнению, «союз вызывает мысль о сознательном, намеренном соединении, что отбрасывает нас к договорному представлению. Соединение это есть не что иное, как общество» [8, с. 202].

У П.А. Сорокина государство представлено в качестве союза «совместно живущих людей, объединенных в одно целое связью подданства, определенным правом и общей государственной властью» [6, с. 143].

И.А. Ильин, так же как и в вышеприведенных определениях, в качестве первого основного признака указывал, что государство есть прежде всего *союз* сравнительно большого числа людей. При этом далеко не всякое множество людей образует государство. Следуя за гегелевской установкой, что «цель государства есть всеобщий интерес» [2, с. 294], И.А. Ильин также признает обязательную необходимость наличия у этого множества людей единого *общего интереса*. Основу и содержание данного интереса составляет усовершенствование совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого правопорядка.

Второй отличительной чертой государства является политико-правовой характер указанной общности. Государство есть не просто союз, а именно политико-правовой союз, организованный и живущий на основании обязательных правил, действующий по правовым нормам. «Это означает, – указывает И.А. Ильин, – что члены его участвуют в нем в качестве субъектов права, что отношение, связующее их всех в единый союз, есть правоотношение и, наконец, что самый союз, как единство, есть единый коллективный субъект права, или юридическое лицо» [3, с. 114].

Последнее утверждение о государстве как о юридическом лице, субъекте права в научной литературе выглядит, пожалуй, наиболее спорным. Одним из главных оппонентов этой теории выступал Г.Ф. Шершеневич. «Государство, – говорил он, – есть источник права, и потому определение его в категории права логически недопустимо... Невозможность юридического определения понятия о государстве поддерживается еще недопустимостью двойственного определения одного и того же понятия, социологического и юридического... Юридическое определение не только не способно объяснить реального существа

того, что мы называем государством, но оно кроет в себе опасность затемнить перед нами истинную сущность явлений, происходящих в государстве. Понятие о государстве только одно – социологическое» [8, с. 211 – 213]. С ним вступает в полемику А.С. Яценко, отмечающий то важное и решающее участие, которое принимает государство в юридической жизни, что делает не совсем правомерным ограничение его лишь одним социологическим определением. По его мнению, государство должно быть конструировано и юридически. Государство им рассматривается и как «сложное правоотношение», и как единый субъект права (юридическое лицо), но только во внешнем международно-правовом общении [10, с. 209, 226 – 228].

По И.А. Ильину, государство есть множество в виде единства, не выходящее за рамки этого множества, и не возвышающееся над ним, а существующее в нем. Отсюда государство не учреждение, функционирующее для граждан, но не включающее их в свой состав, а именно корпорация, т.е. юридическое лицо, включающее в себя всех кем и ради кого оно образовано. Поскольку основное полномочие государства это полномочие на власть, постольку отношения между ним и его членами, как правило, являются публично-правовыми, а значит, человек по отношению к государственным правовым велениям оказывается, по убеждению ученого, в положении лица, подчиненного по праву, или подданного, и поэтому обязанного послушанием в своих внешних действиях. Именно публично-правовой корпоративный характер государства отличает его от других союзов, не имеющих властных полномочий по отношению к своим членам, которые не являются их подданными.

С данным вопросом связана давняя дискуссия по поводу разграничения терминов «подданные» и «граждане». Обычно разница терминов объясняется тем, что человек является подданным, поскольку он рассматривается в качестве носителя обязанностей в отношении государства и он же является гражданином с точки зрения прав, принадлежащих ему в отношении того же государства. Однако поскольку совсем бесправных граждан на сегодняшний день нет, то различительный момент, по мнению Г.Ф. Шершеневича, «следует искать в другом: подданные – это члены соединения с точки зрения их подчинения власти, граждане – это те же члены с точки зрения их соучастия во властвовании, хотя бы путем избрания властвующих» [8, с. 203].

Соглашаясь с этим мнением, И.А. Ильин утверждает, что гражданином делает человека высокое и почетное «право участвовать в жизни государственного союза» [3, с. 121], способность следовать его целям, защищать его, добровольно и самоотверженно сотрудничать с ним. Он, в частности, говорит, что «полномочие гражданина обязывает к защите и поддержанию союза, к труду во имя общего блага, к верности союзу и его целям. Только там все будут за одного, где один за всех; и обратно. Только там государственный союз будет осуществлять успешно свои высшие цели, где граждане будут смотреть на свои публичные полномочия как на обязанности» [3, с. 121 – 122].

Отсюда исходит вывод, что все граждане – подданные, но не все подданные – граждане. Каждое государство, по убеждению И.А. Ильина, ограничивает свою власть над подданными лишь тем, что ему представляется безусловно необходимым. Это исходит из убежденности, что граждане тем прочнее и глубже объединяются государственным союзом, чем большее участие и более обеспеченная личная свобода им предоставлены, так как прочность государства требует, чтобы граждане сознательно и добровольно, на правах зрелых и свободных людей, поддерживали свое правовое и политическое единение.

И.А. Ильин особый акцент делает на добровольном признании человеком своего гражданства. «Нельзя быть членом политического союза, – указывает он, – вопреки собственному чувству и желанию; это значит превратить всю свою жизнь в систему явного и тайного полупредательства, разлагающего изнутри тот самый союз, который гражданину подобает создавать и поддерживать. Государство, имеющее в своем составе таких членов, совершает величайшую ошибку, сохраняя за ними звание граждан; оно творит самообман и готовит себе разложение» [3, с. 262].

Нельзя не согласиться с суждением И.А. Ильина о том, что «люди, погружаясь в свои личные дела и узкие расчеты, утрачивают живое чувство своей принадлежности к государству, чувство своей моральной и правовой связи с ним и незаметно перестают испытывать себя его членами: тогда каждый взнос в казну государства воспринимается только как личный убыток, каждая повинность переживается как тяжелое бремя и, в конце концов, люди начинают чувствовать себя чужаками в своем государстве... однако в час общей опасности, в эпоху тяжелой войны, когда в людях загораются по-новому чувства родины и политического единения, участие в жизни государства получает вновь свое истинное и глубокое значение, и люди, выполняя свои правовые обязанности не только за страх, но и за совесть, чувствуют, что они действительно уполномоченные участники и граждане своего государства как объединенной корпорации» [3, с. 122].

Именно **властный характер** государства рассматривается как И.А. Ильиным, так и другими учеными в качестве его следующего общего признака. Вопрос состоит в определении сущностных характеристик, которые бы отличали государственную власть от какой-либо другой.

По мнению Б.А. Кистяковского, власть является основным признаком государства, а в качестве основного момента, который давал бы возможность всегда безошибочно отличить ее от власти негосу-

дарственной, им рассматривается *суверенитет*. «Суверенитет, – отмечает он, – теперь окончательно определен, как высшая власть, юридико-догматическое понятие которой не допускает никаких ступеней и никаких делений» [4, с. 409, 414].

Аналогичную мысль проводит и А.С. Яценко, утверждающий, что «из ряда других политических союзов государство выделяется издавна суверенитетом объединяющей его власти» [10, с. 199].

Однако данное воззрение, считающее суверенитет необходимым и существенным признаком государства, пользовалось поддержкой не у всех русских мыслителей. В частности, В.М. Хвостов, признавая наличие не только суверенных государств, но и не суверенных, выступает против этой теории, говоря о том, что «суверенитет или неограниченность не есть необходимый признак государственной власти» и в качестве характерных ее черт приводит «самостоятельность» и «принудительность» [9, с. 1 – 9].

Этой точки зрения придерживается и Н.М. Коркунов: «Действительная отличительная особенность государства – это то, что оно одно осуществляет самостоятельно принудительную власть» [5, с. 239]. Н.М. Коркунов вообще государство определяет через один единственный признак, как «общественный союз, наделенный самостоятельной принудительной властью» [5, с. 296].

П.А. Сорокин в качестве отличительных черт государственной власти называет верховенство, самостоятельность и принудительность. Однако этот верховный и самостоятельный характер государственной власти им рассматривается как суверенитет [6, с. 138 – 139]. Такой же позиции придерживается и Г.Ф. Шершеневич, которым самостоятельность и верховенство государственной власти также определяется как суверенитет [8, с. 214 – 217].

Е.Н. Трубецкой подвергает сомнению правоту авторов, видящих в принудительности власти отличительную особенность государства. По его мысли, основное отличие государства состоит не в том, что оно имеет власть самостоятельную и принудительную, а в том, что оно пользуется властью самостоятельной и *исключительной* в пределах определенной территории.

По И. Ильину поскольку каждое государство есть властвующий союз, то соответственно ему принадлежит правовое полномочие властвовать в рамках оговоренных в законах пределов. Правовое поле этих пределов ограничено, с одной стороны, властными полномочиями других государств, а с другой – правами, принадлежащими его гражданам. Очевидно, что каждое государство само выбирает форму государственного устройства, само учреждает свою власть, не обременяя себя обязанностью согласования этого с другими государствами. «Государство не получает свою власть от какого другого авторитета или союза» [3, с. 124].

Несмотря на это, власть каждого государства в своих пределах является властью верховной. Разъясняя суть верховенства, И.А. Ильин отмечает, что государственная власть, сохраняя свое единство и свою неразделенность, тем не менее, распределяется между всеми органами государства без остатка, т.е. власть государства равна сумме властей всех его органов. Государство, как и всякая корпорация, никогда не действует само. Оно «поручает осуществление своих полномочий и обязанностей отдельным лицам, – физическим (напр., монарх, президент республики, министр, губернатор, мировой судья, фабричный инспектор) и юридическим (напр., государственный совет, государственная дума, сенат, губернское правление)» [3, с. 126]. Каждое из этих лиц имеет, с одной стороны, полномочие действовать самостоятельно от лица государства, а с другой – обязанность нести ответственность за правильность своих действий. В этом смысле исключение может составить только монарх, который, не имея над собой высшего органа, правит по закону, но ответственен только перед своей совестью. Понятно, что власть какого-то одного отдельно взятого государственного органа не есть власть государства в целом. Власть целиком не принадлежит ни одному из органов, которому государство делегировало свои полномочия. Отсюда вывод, что власть государства равна сумме властных полномочий всех его органов. В связи с этим, И.А. Ильин предупреждает, что «власть государства не следует смешивать с властью какого-нибудь отдельного органа или нескольких высших органов государства. Каждый, даже самый мало влиятельный и невидный орган государства, имеет такую область вопросов и отношений, в которой он уполномочен властно действовать от лица государства, повинуюсь только правовым нормам и велениям» [3, с. 126]. Поэтому мнение, отождествляющее власть государства то с властью законодательных органов, то с властью исполнительных органов, следует признать ошибочным.

Из сказанного можно сделать вывод, что *самостоятельная и верховная власть* есть основной общий признак государства.

В качестве третьего признака государства многими учеными (Е.Н. Трубецкой, П.А. Сорокин, В.М. Хвостов и др.) рассматривается **территория**. Однако существуют теории, не относящие так однозначно территориальность к числу основных признаков государства. В частности, Н.Н. Алексеев утверждает, что между идеей государства и признаком территориальности нет никакой существенной связи и «с точки зрения родовой сущности государства признак территории не может рассматриваться в качестве необходимого и конститутивного» [1, с. 141 – 142].

По мнению Л.И. Петражицкого, «с точки зрения психологической теории государственной организации... оседлость, наличность определенной территории, не имеет классификационного значения. И соответственные кочевые социальные группы или бывшие оседлыми, но в данное время передвигающиеся на другие территории под властью и предводительством своих князей, царей, ханов и проч. (ср. историю Европы и Азии, эпоху передвижения народов, странствование израильского народа и т.п.) подлежат включению, при наличности указанных выше других признаков в класс государства» [7, с. 204 – 205].

В этом смысле интерес представляет позиция Г.Ф. Шершеневича, который отрицает возможность использования указанного признака при условии понимания под термином «территория» только лишь наличие точных постоянных физических границ, но «если под территориальностью понимать пространственные пределы власти, то этот признак необходимо признать, так как всегда власть имела границы действия» [8, с. 204]. По Г.Ф. Шершеневичу, «территория, с положительной стороны, определяет, что все, находящиеся в данных физических границах, подчинены известной власти; с отрицательной стороны, что в данных физических границах никакая иная государственная власть не способна проявить своё действие» [8, с. 205].

Данная точка зрения нашла свое развитие в воззрениях И.А. Ильина, который характеризовал государство как не кочующий, а оседлый союз людей. Однако под оседлостью здесь имеется в виду не то, что «граждане фактически сидят неподвижно на месте или не имеют права переменять свое местожительство; коммивояжеры, бродячие музыканты, богомольцы-странники, цыгане и целые кочевые племена в Средней Азии всю жизнь переезжают и переходят с места на место; и тем не менее они как граждане сохраняют свою юридическую оседлость, которая определяется припискою к той или другой местной общине, входящей в состав государства» [3, с. 123]. Под оседлостью И.А. Ильин понимает именно их юридическую оседлость, которая определяется припискою к какой-либо местной общине, входящей в состав государства. Но суть территориальности заключается не только в этом. Важно признать правовую связанность государства и территории.

Государство полнолично властвовать над всеми лицами, проживающими или временно находящимися на его территории. Всякий, пересекший сухопутную или морскую государственную границу, подпадает под юрисдикцию господствующего здесь государства. По И.А. Ильину, территориальность государства состоит в том, «что его полномочие на власть имеет предел в пространстве... государство может потерять свою территорию только в том случае, если оно потеряет самое свое полномочие на власть» [3, с. 122 – 124].

Заключение. Государство рассматривается как союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти.

Государство, в понимании И.А. Ильина, – естественно возникший публично-правовой политико-корпоративный бессрочный союз людей, объединенных общим высшим интересом, восходящим к усовершенствованию совместной жизни посредством установления и поддержания справедливого правопорядка, единой самостоятельной верховной властью, имеющей свои пространственные пределы.

Государство это – «публично-правовая территориальная корпорация» [3, с. 117].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Н.Н. Очерки по общей теории государства: Основные предпосылки и гипотезы гос. науки / Н.Н. Алексеев. – М.: Моск. науч. изд-во, 1919.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1990.
3. Ильин, И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т.; сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М.: Русская кн., 1994. – Т. 4.
4. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права / Б.А. Кистяковский. – М., 1916.
5. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – СПб., 1894.
6. Сорокин, П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства / П.А. Сорокин. – Ярославль, 1919.
7. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1907.
8. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. – М., 2006. – (Репринтное изд.).
9. Хвостов, В.М. Общая теория права / В.М. Хвостов. – Вильно, 1914.
10. Яценко, А.С. Теория федерализма / А.С. Яценко // Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. – СПб., 1999.

Поступила 12.10.2009